

Елена КАРЕВА

Роза
Шрёдингера

Тольяти 2021

ББК 84(2Рос=Рус - 2Тол)6-5
К22

Карева, Елена.

К22 Роза Шрёдингера. Стихотворения / Елена Карева. – ОТО г.о. Тольятти “Тольяттинская писательская организация”, 2021. – 200 с.

ISBN 978-5-6046189-3-6

«Поэзия – это я», – так отвечает автор представленной книги на вопрос о том, что такое поэзия, не первое столетие вызывающий бурные споры. «Роза Шрёдингера» – пятая книга Елены Каревой. Вместе с предыдущей книгой стихотворений *Mu Precious*, с которой она связана содержательно, стилистически, сознательно, бессознательно и посвящением, эта книга составляет диптих, стремящийся стать триптихом. To be continued...

Книга издана при поддержке
Министерства культуры РФ
и
Союза российских писателей

16+

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-6046189-3-6

© Е. Карева, 2021

© ОТО г.о. "ТПО", 2021

А МОЖЕТ, РОЗА?..

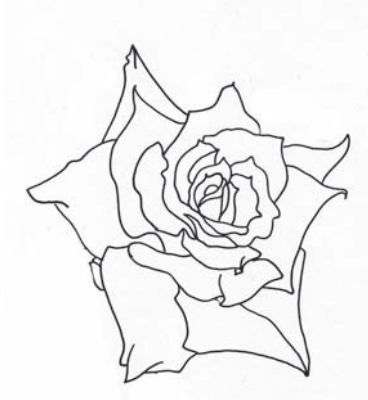
Елена Карева – фигура весьма самобытная на современном поэтическом небосклоне. Ощущение, что перед нами автор, не испытывавший влияния русской поэзии последних лет ста, возможно, возникает у всех, кто знаком с ее утонченной и весьма необычной, с точки зрения формы, лирикой. Возможно, по этой причине она и не известна широкому кругу читателей. «Роза Шрёдингера» – ее пятая книга стихотворений, и вместе с книгой «Му Precious», четвертой по счёту, составляет диптих, связанный и содержательно, и стилистически, и посвящением. Это ещё одна книга саморефлексий «перед лицом вечности».

Лирика как дневник, рассказ о моментах подлинности, очевидно, наиболее органична для этого автора. Перед нами – дневник души, души поэта, эмоциональное переживание мира и есть реальность, в которой протекает его настоящая жизнь.

Установка на элитарность эмоции, отчеканенная романтиками, и – тут же – исповедальный тон, выговаривание «на миру», хотя разговор предназначен и не для каждого, парадоксально сплетены в стихах Елены Каревой. Однако ее стиль парадоксален не только этим. Разговорная интонация органично перетекает в молитвенную и обратно; смысловые отголоски поэзии Серебряного века сливаются с упоминанием конкретных предметов современного быта; повседневность проживается и как распятие, и как среда, рождающая порыв в иномерное; женственность в ее жажде перелиться в другого восходит до общечеловеческой тоски о «высшем».

Композиционное решение книги принципиально отличается от книги предшествующей. Мы видим целостный текст, не разделённый на самостоятельные части. При этом последовательность лирических стихотворений объединена чётко сформулированным конфликтом, конфликт этот не статичен. За счёт этого книга читается как драма, даже как детектив. В чем же интрига? Главная тема книги – стремление к переходу в то качество жизни, в котором возможное высшее «Я» лирической героини перестанет быть только возможностью, вопреки или благодаря смерти, которой в последнем смысле, в этом контексте, конечно же, нет. При этом у главной темы есть подголосок, может быть, и контрапункт. Не все так однозначно. Может быть, есть смысл и в том, что случайно сопровождает поэта в его главном, по сути мистическом, пути-устремлении? Ведь блеск луны, плеск реки, вся прелесть материального мира освящается поэтическим воображением... Впрочем, каждый, кто прочитает книгу, сам сделает вывод. Елена Карева ставит вопрос «А может?..» и отвечает так. Прекрасное, положим роза, это то, что и существует, и не существует, подобно поэзии, ведь все зависит от наблюдателя: от его желания видеть или не видеть. Это последний из парадоксов, который не останется не замеченным в книге: классически романсовый, в целом романсовый, голос озвучивает постмодернистские истины – квинтэссенции 21 века.

Елена ЯНУШЕВСКАЯ

Dedicated to Y.K. –
conditio sine qua non

You take it or leave it
It's just my life

The Rolling Stones

* * *

Блестит асфальт, забрызганный неоном,
роняют искры в лужи фонари,
и капли бьются о стекло со звоном,
и лампы зажигаются внутри,
и хочется дремать под одеялом
над книгой, выпадающей из рук...
Так в чём же дело? – дело-то за малым:
сначала написать её, мой друг.

Автопортрет в интерьере

Сижу и отражаюсь в хроме,
а может, никеле кривом,
и думаю: а что есть кроме
владенья словом? В остальном

ввиду печальной перспективы
всё потерять в единый миг,
и лилии не так красивы,
как выстраданный свой язык.

И губы кривит отраженье,
и нервно водит языком,
переживая отторженье,
облизывает их тайком.

* * *

В каком-то дальнем полумраке,
как будто в прошлом, как во сне,
слова – мерцающие знаки, –
дрейфуют медленно ко мне.

Как отражённые светила,
в холодном зеркале огни
о том, что не было, но было
идут поведать мне они.

О том, что будет, мы негласно
договорились, что молчим.
Сияет месяц в небе ясно.
Звезда любви дрожит над ним.

* * *

В молчании плывут светила,
в молчании цветут цветы.
Превосходящая их сила
сосредоточена, как ты,

там, где бесплотные идеи
как звёзды светят с высоты
на мраморные орхидеи –
земные сонные мечты.

* * *

Ты – вдохновение и мука
без вдохновенья умереть;
уйти, оставить всё, без звука.
Не возвращаться больше впредь.

И больше не увидеть пламя,
которое и жгло, и жжёт
своими синими огнями.
Но не могу, и здесь я, вот.

* * *

Как солнце плещется в волне,
и радость теплится во мне,
звезда в глубокой синеве
цветёт оранжево и стройно,
так, глядя в море этих глаз,
где корабли меняют галс,
как будто бы танцуют вальс,
ах, я вздыхаю беспокойно.

* * *

Всей грустной музыки грустней,
всей безнадёги безнадежней –
понятно, что, – мне сложно с ней,
а без неё всё односложно,

а без неё и я – не я,
а без меня – да всё неплохо
в бескрайнем море бытия;
здесь точка – выстрел – вместо вдоха.

* * *

Бесконечное эхо твоей красоты
наполняет влюблённого сердца сады,
словно блики, пронзившие толщу воды
и железных шипов нежной розы следы.

И струится, как кровь, в этих тайных садах
и бесстрашный огонь, и пылающий страх,
словно искры танцуют в вечерних кострах,
как слова, что блуждают в ночи на устах.

* * *

Оранжево искрит в молчанье,
лишь только выключаю свет.
Бенгальское её звучанье:
огонь, огонь – и весь ответ.

И только сердце каменеет,
когда, сквозь август проходя,
она над бездной пламенеет
сквозь капли звёздного дождя.

* * *

Совсем не чувствуя вины,
слова идут из глубины,
подчас со скоростью улитки –
подземные живые слитки.

Подчас как молния блеснут
среди тяжёлых, тёмных смут –
летят, как золотые блики,
слова – прозрачные улики

того, как мы здесь одиноки;
слова – прозрачные намёки,
слова – невзрачные сиротки,
затерянные в море лодки.

Колыбельная

И вот, серебряная рябь
сквозит среди камней,
вдоль берега за рядом ряд
торчащих средь зыбей.

И вот, серебряная зыбь
искрится под луной,
как чешуя небесных рыб,
скользящих в час ночной.

И звёзды на небе горят,
горят в волне огни,
они текут, они не спят,
а ты, мой друг, усни.

* * *

И небо такое – в цвет чёрного перца,
а звёзды – как крупная соль,
и всё это – мука для бедного сердца,
далёкая, вечная боль.

Какая-то непобедимая мука.
Всё небо в холодном огне,
который зачем-то – вот странная штука, –
ночами приходит ко мне...

* * *

А сердце – это место свято,
и от случайных глаз сокрыто.
Шиповник, земляника, мята,
всё остальное позабыто.

А занято оно иль пусто,
прозрачно, солнечно утрами,
под вечер холодно и грустно, –
да что там разберёшь в тумане...

* * *

Сегодня я проснулась ночью,
в четыре; около того.
В окне по небу плыли клочья –
обрывки сна, и сквозь него

луна, как мятая бумага,
как золотистая слюда
сияла, и блестела влага,
как будто мёртвая вода,

которой этот диск огромный
был кем-то щедро окроплён,
и я вернулась в сон свой тёмный –
ведь это был хотя бы сон...

* * *

Протягиваю руку за письмом,
а голову, окутанную сном,
ещё не отрываю от подушки,
переходящим писаной пером,
которого я не отдам добром –
да, не отдам, – и это не игрушки.

* * *

А я смешна, когда без сна
лежу, слова перебирая,
как будто бы ключи от рая —
ведь без двери вокруг стена.

* * *

И, в общем, я слова не подберу:
всё пробую и пробую; всё тщетно.
Конечно, может, повезёт к утру,
а, может, рассосётся незаметно,
но вряд ли: полыхание страстей
не пустит ничего себе на смену.
Скорей, при попустительстве властей,
я (здравый смысл, ау) убьюсь о стену.

К портрету

И, говорят, на вилле Адриана
по кругу время ходит у фонтана
(хотела написать, что вдоль пруда,
одумалась), и ладно бы, но странно –
бывает, зависает иногда,

и одевает мрамором колени,
и направляет взгляды на предмет,
как в знойный полдень, не дающий тени,
источник зноя до скончанья лет,

и ты стоишь, в перебирая
причины, по которым злая страсть
тебя в пучину бросила, играя,
пред тем, как сохраниться, и пропасть.

* * *

Любовь точна: в одну воронку,
вконец и в пику, в унисон,
одну последнюю печёнку,
остаток жизни. Страшный сон.

Без объявлений, незаметно,
той самой каплею, до дна;
всё остальное беспредметно.
Бессмысленно. Она одна.

* * *

Причина к следствию глуха,
а сердце к боли равнодушно
бывает; повод для стиха
жесток; перо руке послушно.

Где капля крови упадёт –
там завтра роза расцветёт.

* * *

Дорогою весенних слёз,
сокрытой за стеною плача
из терний нераскрытых роз
и прошлогодних роз на сдачу,

иду не волею своей;
своей – туда, где всё нетленно,
поёт для розы соловей,
и роза рдеет неизменно.

* * *

И вечно собираясь в вечный Рим,
тот, где горят над пиниями сферы,
жестоко мы и яростно горим,
мосты сжигая и паля галеры.

Как прочие чужие города,
в которых тихо розы расцветали;
но мы назад не смотрим никогда.
И за пожаром видно их едва ли.

* * *

Пока на этом адском зное
истлеешь, в пепел обратясь,
проклясть успеешь всё земное,
и с неземным оплакать связь.

* * *

Есть мир, где праздник каждый день,
и ночь в огнистых фейерверках,
и от фонариков на ветках
в цветах узорчатая тень.

И предрассветный мир, другой –
они отделены мгновеньем, –
там искры падают с шипеньем,
и в небе дымный след дугой.

И там рассвет не настаёт.
И нету из него исхода.
Одно и то же время года.
И даже ветер не поёт.

* * *

– ты слышишь, золотая птица
поёт в серебряном саду?
– к чему такая небылица?
– к тому, что я с ума сойду,
пытаясь передать словами
всё то, о чём она поёт...
а небо звёздное над нами
молчит, холодное, как лёд.

* * *

...уже бы скорее, и вправду, зима:
и радужный блеск, и холодная тьма.
...и кружатся сбитые в стаи тела,
не зная: не все доживут до тепла.

* * *

Огонь души уходит в тело,
когда вокруг лишь снег да снег;
ты в нём ныряешь неумело,
пустите – просишь, – на ночлег.

Ты умоляешь – нет ответа,
ты замерзаешь – там темно,
там в окнах нет ни капли света,
там нет... ты умер. Всё равно.

* * *

А я люблю твои запястья,
ладони, тонкие персты,
в которых, словно птицу счастья,
любовь за крылья держишь ты,

и медлишь, и трепещет птица,
как сердце, рвущееся ввысь,
и вот ещё одна страница,
ещё. Смирись, душа, смирись.

* * *

Кругами ходит равнодушно
Звезда по небу надо мной.
И ей любви моей не нужно:
там, наверху, порядок свой.

Я знаю всё, и жду смиренно –
придёт? Однажды я умру,
когда легко и постепенно
она растает поутру.

* * *

Сияют звёзды в небесах,
и отражаются в чернилах;
перо выводит: волосах,
и далее, запнувшись: милых.

Волной фиалковых кудрей
уплыть навеки, без возврата...
Мы делаемся тут мудрей,
а невозможность – это плата.

Корабль

1.

Корабль мне снится по ночам,
(и если б снился только ночью):
приятен он моим очам,
и будто вижу я воочью,

как входит он, не торопясь,
и зависает над волною,
как солнце в ней рисует вязь,
потом сменяется луною,

и как волна ласкает борт,
как затихает шумный порт.
Как будто он пришёл домой.
И слёзы взгляд туманят мой.

2.

Как будто жемчуг на ладони
как в створке раковины спит,
и бухта в скалах как в короне,
и с птичьего полёта вид

на сон его и безмятежность;
а что он видит там, во сне —
не ведаю, и злая нежность
вскипает как волна во мне.

* * *

Всегда слегка потусторонне,
в толпе и далее везде,
стою, как будто на перроне,
жду отправления к звезде.

Дела в обычном беспорядке,
дорога очень непроста:
затянутые пересадки.
Полуоткрытые уста

беззвучны. Пусть щебечут птицы,
глаза пусть ищут свой маршрут,
пусть все ненужные столицы
умрут во мне сегодня тут.

* * *

Нанизаны на шпильки облака,
как щеки, накладные, партитуры.
И держат их скреплёнными века
направленные к вечности фигуры.

И чёрные взлетают из-под ног,
а белые над морем реют стаи,
и город, словно каменный венок,
на светозарной ряби держат сваи.

И сердце, словно бабочку игла,
удерживает прикреплённым к строчке
то, что диктует. Если б я могла
длить вечно эту боль, не ставя точки.

* * *

Всё знать нельзя, но сердцу больно
от ржавой и тупой иглы;
то вдруг отпустит – и невольно
оно летит в миры, миры...

Всё видит, что забудет скоро,
болея, чем пренебрежёт.
Ах, счастье хрупко, тонкокорое,
под коркой лава. Ждёт, и жжёт.

* * *

Прозрачное пламя тягучим стеклом
течёт, застывая в эфире холодном
то сердцем стеклянным, стеклянным пером,
и я застываю в усилье бесплодном

понять, отчего неизменны, как встарь,
фигуры судьбы непостижной и речи,
а воск оплывает, как жидкий янтарь,
и плачут, и плачут стеклянные свечи.

* * *

Это просто зима человеческих чувств.
Это просто усталость лежит вековая
саркофагом на углях высоких безумств,
и они там молчат, впрочем, не остывая.

Впрочем, он обратим, этот полураспад,
как миграция брошенной жизни в искусство,
чтоб потом, на бегу обратившись назад,
ты и в камне узнал неизменное чувство.

* * *

Покупаю игрушки
для ёлки моей мечты:
ледяные избушки,
и огненные цветы,

золотистые свечи,
что горят бенгальским огнём
(остальное – при встрече
в новогоднем мире ином).

* * *

Для тех, кто вышел из неизвестности,
а изведанным пренебрёг,
не существует привязки к местности,
если местность – не пара строк.

Нет у них ни роду, ни племени –
кто подкидыш в семье муз, –
также не существует времени
не вступившему с ним в союз.

Вот, душа, ты и неприкаянна,
не прибиться тебе к другой.
Всё тебе красота и тайна,
ну, а людям нужен покой...

* * *

Когда не подпускают ближе,
мы мучаемся здесь, в дали,
мертва, хладна, туманна иже.
Как корабли за край земли

ушедшие, живут за краем –
теперь им буря дом родной...
Но всё равно мы умираем,
к земле прибитые волной.

* * *

И ты, как чёрная скала,
среди волн, свирепствующих люто,
где даже туча не спала –
и туче не нашлось приюта, –

и в размышлениях и снах
об этот камень бьётся сердце,
и кувыркается в волнах,
не выдержав такое скерцо.

* * *

Как будто голубой огонь
стекает на поверхность сферы,
как будто лижет мне ладонь,
и жажду, жажду я без меры,

чтоб стал он радостью моей,
единственной и безупречной,
а не страданьем долгих дней,
не смертной мукой бесконечной.

* * *

И почему мы умираем,
когда, казалось, жить и жить,
как будто кошка за сараем?
На смерть у нас такая прыть.

Мы книги мёртвые листаем,
и всё нам хочется узнать,
что там, за непонятым краем —
завидная, как видно, стать...

* * *

Кому-то смешно, а кому-то – мученье,
кому-то и просто совсем всё равно,
но вовсе не это имеет значенье,
а то, что в цепи не порвётся звено,

и не пропадёт, не погаснет светило,
и не поглотит торжествующий мрак
того, что люблю, ну, а как это было –
никто и представить не сможет, вот так.

* * *

Темно и снежно. И провально.
Цветы как звёзды в вышине.
Невыносимо. Невербально.
Явилась вечность и ко мне,

и смотрит, смотрит... Всё нетленно.
Любви и смерти по колено,
по крышу скоро занесёт
тот снег да снег с её высот...

Меланхоличная прогулка

С утра искрит асфальт промёрзший,
бежит слеза, туманя вид,
почти звезда. Как будто горше
уж не бывает, просто стыд.

И я шатаюсь по морозу,
как неисправный щит искрю;
и искры падают, и слёзы,
звенья, в копилку к декабрю.

* * *

Принимая ванну,
глядя на снег в окно,
думаешь: вот же странно
в мире заведено —

горизонты мнимы,
книги всегда молчат,
и, забитый иными,
зеленеет лишь чат.

* * *

Вот да: натянутой струной,
и даже порванной, смешной,
и даже несмешною фразой

гулять по мессенджерам в ночь,
вселенский ужас превозмочь,
землёю стать. А может, фазой.

* * *

Под Старый новый год,
и прошлогодний снег,
и серебристый смех
часы идут вперёд,
часы идут назад,
сворачивают вбок,
сплетаются в клубок,
как золото блестят.

* * *

Я вижу сквозь твои черты,
как будто бы сквозь покрывало,
и свод небесной чистоты,
и солнце, блещущее ало,
и что увиденного мало
взыскующему красоты.

Я слышу вечные слова,
подхваченные сквозняками,
смотрю, как тает синева –
всё прорисовано едва, –
как сон становится стихами.

Я знаю, что не наяву,
а там, где явь и сон едины,
жила, и буду жить; живу,
как синий айсберг на плаву,
где ледокола жаждут льдины.

* * *

От порога и до корабля,
что несётся в холодном эфире,
под которым земля не земля –
вся музыка, известная в мире,

я бегу, ни жива ни мертва,
в фонарях размеченном мраке,
и вокруг полыхают слова,
и бездомные жмутся собаки.

* * *

Когда с музы́кою мы двое,
а за окном уже темно
и ничего там, кроме воя –
наверно, ветра; всё равно, –

всё наполняется музыкой,
и я подхвачена волной,
и с ней лечу пустыней дикой,
и лишь музыка предо мной,

и пропадает всё земное,
и мы уносимся в края
мечты за огненной стеною,
и там музыка – это я.

* * *

Эти пальцы созданы для клавиш
(клавиши заполнены огнём) –
вот представь, что на поднос ты ставишь
два бокала, полные вином,

и они звенят-звенят, как льдинки,
разбиваясь с крыши в феврале...
... эти руки словно на картинке
разворота глянца на столе.

* * *

И для тебя я стала птицей,
а ты меня посадишь в клетку.
Замкнёшь серебряною спицей,
повесишь высоко на ветку.

Я буду петь тебе ночами
о том, как сердце ты мне ранишь,
смотреть влюблёнными очами,
и для меня ты небом станешь.

* * *

Твой взгляд, как ландыш близорукий
из свежей зелени и тьмы
сквозит, как песня о разлуке
в просторах атомной зимы,

и гибельно звучит, и сладко,
и лёд не тает на устах.
Пусть всё погибнет без остатка,
как этот жемчуг на листьях.

* * *

Да будь что будет, я решила –
узнать придётся всё равно:
погаснет ли моё светило,
и чем закончится кино.

Но, драгоценное мгновенье,
в котором вечная весна,
пока ты длишься, нет сомненья,
что будет вечною она.

* * *

И всё, что было в фильмах чёрно-белых,
имеет в жизни форму, вкус и цвет,
а что в мечтах клубилось несмелых –
тому здесь места нет; здесь места нет.

Но пишется и пишется на плёнку –
а цифра эти вещи не берёт, –
и шлёт воздушный поцелуй вдогонку
крово-красный чёрно-белый рот.

* * *

А я пишу в тетрадь украдкой –
и никому не показать, –
об этой жизни, слишком сладкой,
чтоб настоящей жизнью стать.

Меж испещрёнными листьями
кладу прекрасные цветы.
Они придуманы местами.
Мне их придумываешь ты.

А я цветы перебираю,
их тени тонко обвожу,
а луч скользит всё ближе к краю,
но я за этим не слежу...

* * *

Я Эвридика от рожденья,
и поневоле ты Орфей,
высокий гений восхожденья
из мрачных бездн к звезде своей.

И просто поступью бессонной
идёшь, и за тобой след в след
я Эвридикою влюблённой
выстраиваюсь, как сонет

который жаждет завершения,
иначе пропадёт во мгле,
и снова – сонное круженье,
и нет нам места на земле –

мне, и о тайне неземной
словам, идущим вслед за мной.

* * *

На кончике и корне языка
слова, и тень скользит, легка,
она рисует силуэт бокала,
и голову, склонённую устало.

Да не стихи – вы скажете; – конечно,
а просто сердце не вмещает муки
и радости, и словом станут звуки
на языке, мучительны и вечны.

* * *

Золотое вино, лунное,
молодое, в новых мехах,
для которых стада среброрунные
нагулялися в облаках.

Золотое вино, сладкое,
и когда вдруг судьба нальёт,
жизнь становится вмиг тетрадкой,
разлинованной наперёд.

А когда судьба переменится,
и бокал упадёт из рук –
золотое вино пенится,
ну, а ты на завидуй, друг.

Воспоминание

Когда уж совсем ничего не останется,
то горечь потери смахнётся крылом,
но, может, душа, одинокая странница,
и вспомнит когда о далёком былом.

И, может, туманы его золотистые
разгонит луча не вечернего свет,
и блики вспорхнут отражённые быстрые,
и память согреют. А может быть, нет.

* * *

Проблема в том, как душу сохранить
до времени безумья и растраты,
когда порвётся Ариадны нить,
та, над которой ты дрожал когда-то,

в блужданиях превратившаяся в сеть,
в которой всё погязло безнадёжно...
И остаётся только умереть,
чтоб осознать, что жить иначе можно.

* * *

О, сердце бедное! Устало,
стуча, как каблуки в ночи –
неровно, с отзвуком металла,
задевшего за кирпичи,

когда водитель полусонный,
не вписываясь в поворот,
по краю вечности бездонной
во тьме автомобиль ведёт,

и знает, что привал не скоро,
и фары залепляет мгла,
и слышен только шум мотора
и скрежетание стекла.

* * *

Обрывки путешествий и полётов
накопленные в памяти клочки
там где-то пополняют список лотов,
и вот, уже поправлены очки,

и вечность обретёт воспоминанья,
что в суете спускают с молотка
то жажда новизны, то оправданья
вины тому, что память коротка.

* * *

Пока дойдёшь до сердцевины,
забудешь первые шаги;
не перепробуешь все вина,
а за окном уже ни зги;
и вычисляешь скорость света
в подвале винном при свечах.
В бокале мечется комета,
и искры гаснут на устах.

* * *

Прочертим, две души родные,
восторгов параллельный путь...

Ш. Бодлер

Вино любовников в разлуке:
у каждого свое; когда
соприкасаются не руки,
не губы, если города,
увы, совсем не побратимы,

когда дела необратимы,
когда нежданная беда
одна исторгнуть может имя,
и только эхо – навсегда.

* * *

Как если мысль и чувство – два
пересекаются в зените
прожекторами, и слова
горят огнём, пока вы спите,

а я, как бабочка, кружу,
мерцаю в фокусе прицела;
скажу – и сбита; не скажу –
зачем оно, ночное тело?

* * *

Там жить нельзя, где нет тебя –
сказал мне ангел белокрылый,
с нечеловеческою силой
слова присутствием скрепя.

И чуть заметно за стеклом
мелькнула тень, как дождик, косо.
Раз нет меня – так нет вопроса.
Зачем печалиться? О ком? –

так отвечала я, любя,
и ангел мой вздохнул устало.
А я вслед призраку шептала:
там жизни нет, где нет тебя.

* * *

Мне теперь не понять
прекрасный британский рок,
если тебя не обнять –
какой в нём тогда прок?

Не удержать в уме
самых прекрасных строк,
не оценить мне
ягоды пьяный сок.

Я потеряла вкус,
не различаю цвет –
всё исчезнет, боюсь,
если тебя нет.

* * *

И тайных мыслей адресат,
и просто заповедный сад,
в котором ветер ветви гнёт;
волнуемая бездна вод,

всепоглощающая страсть,
и бой, в котором надо пасть,
и, землю увлажнив, процвествь,
не важно, что потом – Бог весть.

* * *

Я парусник, и ветер вольный
имеет надо мною власть,
и я без страха режу волны,
не берегу ни груз, ни снасть,

когда безжалостно и твёрдо
мой капитан проложит курс
сквозь царство бешеного норда
туда – в созвездие медуз.

* * *

Ловлю счастливые минуты,
когда серебряных лучей
шевелият щупальцами спруты
во глубине морских ночей.

Когда плывут русалки-музы
в чернильной с искрами волне –
полупрозрачные медузы,
как будто пузырьки в вине.

Как будто с ними в хороводе
среди сверкающих комет
парит (в своём, конечно, роде)
и сердце. Только счастья нет.

* * *

Русалки сеют жемчуга
сквозь калибровочные сита.
Газоны, дикие луга –
всё скатным жемчугом покрыто.

И равномерный перестук
на небе отовсюду слышен,
как будто падают из рук
плоды у захмелевших вишен,

как в перламутровый сироп,
как в пробегающую Лету,
и там с волной играют, чтоб
к забвенью привыкало лето.

* * *

Там золотой паук висит
на тёмно-синей паутине,
и освещает поздний вид,
изображённый на картине:

глухой и одинокий час,
когда музыка мирозданья
потерянных объемлет нас,
чтоб усмирить души терзанья.

* * *

I tell my piano the things
I used to tell you.
Chopin

И начал доверять роялю
всё, что хотел... иль не хотел?
Как достается одеялу
огонь разгоряченных тел,

как на подушке дышит пламя,
как всё кончается стихами,
какой-нибудь бессмертной фугой,
и вьюгой, сумасшедшей вьюгой.

* * *

Реальность, данная нам в ощущениях,
и реальность, явленная в размышлениях,
это две реальности или одна?

Нереальный восторг и реальные сложности,
эти мысли о счастье и невозможности,
за бокалом вина из звёзд – без дна.

* * *

И лунной ночью сидя с лютней
в каком-то канувшем веку,
над речкою, водою мутной
играющею на бегу,

там остаёшься и поныне,
застыв над думою своей,
а здесь уже ложится иней,
как перья белых лебедей.

* * *

...повсюду появились ёлки,
как разноцветные грибы;
пошли предпраздничные толки,
и, как когда-то из трубы,

из глушаков валят седые,
как будто в инее, дымы;
искрятся молодые льды, и
декабрь мерцает в море тьмы.

* * *

Во мраке ртутно проскользив,
так остро бьётся, бесконечно,
и этот простенький мотив
над миром полыхает вечно,

но тщетно облако антенн
без остановки ловит треки
вибрации небесных вен,
непостижимые вовеки.

* * *

Как будто рассыпают соль.
Нет снега, и не надо соли.
Похоже, год выходит в ноль,
поставив слово против боли.

Прекраснейшей из полумер
притушит боль в какой-то мере...
И одождит муз'ыку сфер
на раны бедного Сальери.

* * *

Стихи чем лучше – тем страшнее...
Какой Erlkōnig, Advent, Schnee,
какие там моря и сферы –
всё это просто полумеры...

* * *

Невыразимо, абсолютно,
как к целому стремится часть,
готовая темно и смутно
всем пренебречь, убить, украсть,

в конце своей дороги длинной,
не ощутив её длины,
склониться головой повинной,
под меч, не чувствуя вины.

* * *

Чужие города, чужая речь.
Не надо. Мне нужны свои.
Корабль ещё плывёт, но в днище течь,
русалок в трюм несут струи –
они там затевают хоровод,
все празднуют какой-то новый год.

А за бортом встаёт за валом вал,
того гляди, зарует нос
корабль, и я держу штурвал
едва; в сады подводных роз
похоже, звёзды проложили путь,
и хочется уже среди них уснуть.

Усталость. Холод. Миражи.
Обрывки пения сирен.
Не надо. Лучше ты скажи:
в садах подводных есть сирень?
Там нет, наверное, зимы.
Сирень и розы в царстве тьмы.

* * *

Меня всё мучает сирень –
и так пишу о ней, и этак:
и пена; кружево, и сень
она, пузырясь в гуще веток,
переливаясь через край
колдует полутёмный рай,

в котором солнце по листам
кропит, кропит горячим златом,
и расставляет по местам
в душе, как хочет, каждый атом,
и у безумия в строю
я пребываю в том раю.

А, может быть, наоборот?
Что может подарить мне вечность?
Полуоткрытый влажный рот,
взгляд, устремлённый в бесконечность,
объятье, служащее краем
того, что здесь зовётся раем?

* * *

И облака плывут, и воды
неописуемо скользят;
отодвигая локтем годы,
в пространство устремляешь взгляд,

который, проходя сквозь стену,
и ни пылинки не задев,
волнует кружевную пену,
смущает сон подводных дев.

Старая баржа

По Волге медленная баржа
плыла, грузёная песком,
и воду, синюю, как саржа,
тупым таранила мыском,

шершавым, ржавым. Эко диво, –
смотрели рыбы с глубины,
а чайки быстрые игриво
зевак таскали из волны.

Русалки прятались под донцем
до наступленья темноты,
Песок был золотым под солнцем,
слепящим днями с высоты.

А под луною серебристым,
как будто сахарным, вдвойне
прозрачным, приторным и чистым,
в ночном очищенном огне.

И девы полные пригоршни
бросали в тёмный рыбий мир,
и кашлял, напрягая поршни,
с надрывом старенький буксир.

* * *

Неизъяснимая печаль
приходит на исходе лета.
И ночь прозрачна, как хрусталь,
а утро сквозь туман рассвета,

пытаясь ясности ночной
достичь, её не достигая,
стремится к ней сквозь шум и зной,
и падает, изнемогая.

Ноктюрн

Когда в испарине и неге
недвижны синие листы,
и звёзды голубой Омеги
с волнением смотрят с высоты

на голубой туман в овраге
(и тени, синие, как дым),
ползущий по краям бумаги...
...и красный мак горит над ним.

* * *

Уж август. Звёзды моросят,
по небу ползают, как змеи.
Упавших яблок полон сад,
но я их пробовать не смею.

Зачем земные мне плоды –
мне не с кем их делить согласно.
А звёзд блуждающих сады
горят безумно и прекрасно.

* * *

Небесная механика точна:
движения размеренны и чинны.
Проснёшься, и лежишь во тьме без сна,
и, более, – без видимой причины.

А, видно, раскрывается бутон,
к невидимому солнцу простирая
свою любовь, и, может, это сон,
изнеможенье на пороге рая.

СОТВОРЕНИЕ МИРА

Пролог

И, волосы откинув с шеи
рукой как будто не своей –
как будто мысль всегда свежее,
чем тёмной страсти суховей, –

я с удивлением взираю
на мир, в который не попасть:
немногим он подобен раю,
но в нём живёт и мысль, и страсть.

День первый

И сотворил, как милость, свет
моих очей
Господь, и миллион лучей,
числом, как лет,

кружившихся в великой тьме
за разом раз,
пока не растворил он мне
незрячих глаз.

День второй

А дальше – если бездна вод
другую страстно призовет –
как пение сирен влекло, –
меж ними умное стекло,

как свод закона, как хрусталь,
прозрачная моя печаль,
небесный ледяной поток,
питающий земной цветок.

День третий

Я живу с ощущением волшебства,
что оно прорастает вокруг, как трава,
что оно океана планктонная взвесь,
и в то же время как будто не здесь.

Как будто бы там, где времени нет,
и будто оно – божественный свет,
и всё заливают, как будто вода,
и будто оно со мной навсегда.

День четвёртый

Для различения ночей
есть звёздный свет твоих очей,
любовь – для различенья дней:
один светлей, другой больней –

как солнце, то палит и жжёт,
то спрячется за краем вод.
Тогда пора включать луну –
пусть освещает тишину.

День пятый

И вот, луна блестит как глыба,
и в облаках плывёт, как рыба-
русалка, и поёт, как птица,
пока тебе, мой друг, не спится,

пока в тени твоих ресниц,
лучами лунными пронзённой,
сладкоголосый гимн бессонный
возносит хор прозрачных птиц,

и мир луной посеребрён,
и сон ещё не сотворён.

День шестой

Небесные стражи, земные труды
внимательным взглядом любовно объяты.
Пока созревают ночные сады,
свой долг исполняют дневные солдаты.

И бездна открыта, и звёзды рекой,
но хрупок дарованный небом покой.

И всё же среди быстротечных времён,
и мёртвых камней, и живительных токов,
незначущих слов, мимолётных имён,
медлительных тел и бессмысленных сроков,

пока ещё падают звёзды в траву,
сжигая её, – я тебя назову,

как ты называешь знаменья небес
и видимый ряд проявлений творенья,
затем, чтоб сравнить их значение и вес,
и смыслом наполнить немое мгновенье.

Что приняло имя – то вечно с тех пор.
Неназванное исчезает, как сор.

... и стало по слову, и слово – венец,
так времени вечность приходит на смену.
Ты – космоса космос и звёздный стрелец.
А я превращусь в лучезарную пену...

Эпилог

Когда смыкаешь ты уста –
в беззвёздной тишине сомненья
земля безвидна и пуста,
лишь безысходное томленье,

бессмысленный полёт ума
вкруг фразы: «хорошо весьма».

* * *

Конфигурация и шлюз.
Душа, как говорится, в душу.
Я помню Аполлон-Союз.
О, Аполлон!.. но трушу. Трушу.

Не смею бросить этот груз,
не смею опуститься ниже,
боюсь помыслить звёздный мусс,
а он всё ближе, ближе, ближе...

* * *

Нарисовать сухую-розу-
серебряные-лепестки,
колючий стебель взять в тиски,
из сердца выдернуть занозу.
Оно порвётся в лоскуты.
Горячей крови хлынут реки,
но слово сохранит навеки
твои прекрасные черты.

* * *

Бывают утренние тени,
бывают поздние цветы,
воспоминания видений
невероятной красоты,

которые, как отраженья
во сне приоткрывает рок,
и всё равно, их воплощенье
непредсказуемо. Ожог.

* * *

Невероятная луна
стоит над городом и миром,
и отражается она
то вечной рифмой, то клавиром,

то во влюблённых очесах,
на полотне, на чёрной туши,
...а время капает в часах,
и растекается по суше.

* * *

До тебя – как до луны, –
нежно жалуются блюзы,
и нащёптывают сны,
и поют бессонно музы.

Муза – женщина, она,
по Бердслею, лишь рукою
мужеской укрощена,
а иначе нет покою.

А иначе – блюзы, сны,
и ноктюрны, и эклоги,
до серебряной луны
бесконечные дороги.

К портретам

Мне н^ужды нет смотреть портреты –
я все их помню наизусть;
но так устроены поэты:
подай портрет, и следом грусть.

И больше ничего не надо.
Всё остальное будет вам:
для слуха праздного услада.
Кому-то сердце пополам.

* * *

И все мы втайне неизбежно
желаем в сердце своего.
Оно болит и млеет нежно,
и горько плачет без него;

жестоко бьётся, до отказа
испытывает свой завод,
пока на смерть не призовёт
случайно брошенная фраза.

* * *

Нарциссы, слёзы и адонис –
полупрозрачный, словно оникс,
в прожилках сладости и страсти, –
весенний мир, где нет мне части.

* * *

Нашла цветы в своём блокноте –
наброски набело пером
у нежных слов на обороте;
не вырубишь их топором,

ведь я, как дровосек железный,
лью слёзы, занеся топор...
Он сколько ржавеет, болезный? –
они цветут с тех самых пор.

* * *

Кинжалом будто по стеклу.
Смирись, душа, ведь ты – алмаз.
Пока не канула во мглу,
играй лучом любимых глаз,

каймою радужной одень
ландшафт печальный, озаряй,
пока не канула за край –
терпи кремнистый райский день.

* * *

Это фаза естественной убыли.
Ах, луна, ты всегда одинока.
А глаза-то, глаза – Врубеля,
а слова-то, слова – Блока.

Ты, проклятие-благословение,
путь и там, и там одинаков;
ах ты, доля моя – невезение,
ах, судьба... – и заплакал Иаков.

* * *

...и наступает та минута,
когда оставлены дела:
их мутная волна прошла,
и хочется душе уюта:

неслышно погрузиться в сон,
хотя бы там обнять другую,
неведомую и родную...
Всегда обманывает он,

и обращается словами
про то, что – знаете, – уют...
В нём искры вечности снуют,
а ей ведь всё равно, что с нами.

* * *

Ты болишь и болишь, и царапаешь душу,
и она понемногу всё время кровит.
Я терплю, я молчу, я почти уж не трушу,
хоть ужасен её исковерканный вид.

Сквозь какие шипы, по каким огородам
это чувство тупой, непонятной беды
поднималось во мне, как положено водам,
размывая своих преступлений следы.

Я могу быть крылом, я могу быть ковчегом,
груз несказанных слов сохраняя внутри,
и в пустых городах одиноким ночлегом,
и звездой, что над ним тихо светит, смотри.

* * *

Сияла, искрилась, и резала глаз
в бездонной своей черноте,
как мысль, что однажды подводит вас
к какой-то последней черте;

а там иное уже совсем,
обитель незримых тел...
...а луч её погас между тем,
и небосвод опустел.

* * *

И так темно и одиноко,
что слово это не берёт.
Что видит внутреннее око,
не в силах выговорить рот.

И так темно и безнадёжно,
и глубже всё течение дней,
что делать то, что делать должно,
бессмысленнее и трудней.

* * *

Не сетуя на завидность роли
гордиться тем, что у тебя есть роль;
оттачивая мастерство до боли,
перенесёшь существованья боль.

Пусть нету цели у существованья –
есть смысл в происходящем; ты поймёшь
в мгновенье прояснения сознания,
когда из раны будет вынут нож.

* * *

Чума, холера – всё едино.
Вокруг меня давно чума.
В моих глазах одна картина:
отсутствие. Схожу с ума.

Удушье, жар... не наказание,
что глушит смертную тоску.
А глубже чиркнет осознание,
и просто кровью истеку.

* * *

Роняют маки лепестки,
как будто капли крови алой,
как будто вечер трёт виски,
склоняясь головой усталой,
«прости» надежде говорит,
а сердце пламенем горит.

* * *

Цвет марта красный почему-то.
Задумаешься на минуту –
померкло солнце, нет тепла,
и снова снег, и хмарь, и смута,
и лёд оконного стекла.

Цепи времён ржавеют звенья,
и красною строкой забвенья
горят закаты над рекой;
и, кажется, стихотворенья
в огонь уходят на покой.

И ты облизываешь губы.
Трещит шероховатый лёд
под белым мехом снежной шубы,
дымят промышленные трубы,
всё чередом своим идёт.

Краснеют на морозе руки,
сосульки падают, и звуки
разбившегося хрустала
полны невысказанной муки,
и это счастье. Вуаля.

* * *

Флуоресцентным розовым, но нежным
подсвечены серые облака,
и что вчера казалось безнадежным,
не кажется несбыточным, пока

небесных роз, пленительно-лиловых,
лежит на небе гаснущая сень,
и кажется, что мир восторгов новых
откроет нам с утра грядущий день.

* * *

...что день грядущий принесёт?..
С каких сияющих высот
придётся падать мне опять
и свой полёт живописать,

вот как я делаю теперь,
как много дней уже подряд?..
Но снова открываю дверь
в сияющий небесный сад.

Я не хочу высот других,
я не хочу других долин.
Рука тверда и крепок стих,
и в сердце он один. Один.

* * *

Слова живут, как часть пейзажа,
определяя наш пейзаж.
И небо, чёрное как сажа,
звездой украшает наш

рассудок. Звёзды выбирая,
по ним прокладывая путь,
свою отыскиваем стаю.
Найду ли я когда-нибудь.

* * *

И синий виноград во льду,
и звёзды в белой пелене,
и горечь терпкая в вине,
и розы белые в саду...

А что, весна, предложишь ты –
что о тебе поведал Блок,
ветвей изломанных клубок,
и в них недолгие цветы?

* * *

Никто, нигде и никогда,
как эти сломанные ветки,
оборванные провода,
разбросанные табуретки, –
весь никому не нужный хлам.
И сердце тоже пополам.

* * *

Мой виноград лежит под снегом –
а небо словно виноград, –
и белый снег ему ночлегом,
и смотрит синий сон подряд

тому уж месяц. Месяц тонок,
прозрачен и звеняц: так юн.
И, только выйдя из пелёнок,
уже успел задеть семь струн.

* * *

И, смахивая серебро
с лобовика в поля и веси,
я знаю: там звезда Зеро,
невидима в февральской взвеси

из ледяного молока,
дождя и голубой полыни.
И вдаль бегущая строка,
та, что вела меня доньне.

* * *

Когда невидимые струны
журчат, как юная листва,
когда туманы сереброрунны,
а звёзды видимы едва,

и всё творенье богомольно,
но червь грызёт, и не до сна,
и грусть сладка, а сердцу больно —
тогда душа моя темна.

* * *

А звёзды молча смотрят вслед
своей любви, что бороздит
пространство, льют прозрачный свет,
огонь души. Пространство спит.

А звёзды ждут: а вдруг ответ
придёт, и вот, они не спят,
и терпят миллиарды лет,
и синим пламенем горят.

Ночами вглядываясь в высь,
встречай далёкие лучи.
Терпению у них учись:
смотри на звёзды, и молчи,

когда тебя снедает грусть.
Не хватит жизни лишь, боюсь.

* * *

Куда уходим, что берём –
земных не достигают взоры.
Сорвётся кто единым днём,
кто вечность требует на сборы.

А я возьму лишь образ твой –
живое наполненье слова,
а здесь, бумаге неживой,
лишь тень оставлю, и готова.

* * *

И вот, как лента разовьётся
в блестящий длинный серпантин...
Пока летит – тогда живётся,
превозмогая карантин.

Пока желает Ариадна
и не щадит своей любви,
всё в лабиринте будет ладно –
сражайся, побеждай, живи.

...потом опять начнёт собираться
в тугой запутанный клубок.
Но победитель, может статься,
уже и сам прорвётся в срок.

* * *

Мои стихи несовременны,
несвоевременны, смешны.
О, современники, простите,
прощайте. Чувства неизменно
в ловушке, как Тесей на Крите,
и крики сердца не слышны.

* * *

Блуждаем в лабиринте, в темноте,
но не всегда мы ищем избавленья –
быть может, на пути к своей мечте
с превосходящей силой примиренья.

И, может быть, сегодня, как и встарь,
пустившиеся в плаванье без срока,
мы из него приносим на алтарь
своей любви свободу без порока.

* * *

Всегда сомненье, как орёл,
клюёт нам сердце, словно печень,
и брызг кровавый ореол
горит. Триумф сомненья вечен,

и огненный его восход,
неугасимое свеченье,
летающее по глади вод –
нездешних мук обеспеченье.

* * *

Нам Бог послал сентябрьских тихих дней,
Селены, бледной к финишу заплыва,
и томной; что ещё сказать о ней,
взирающей на серебро залива,

снимающей с кудрей своих росу,
сияющей неведомому другу?
...мы держим подаянье на весу,
пытаясь за луной бежать по кругу.

* * *

Луна в тумане. Полусфера,
то полуявь, то полусон,
в котором прячется Венера,
и Марс как будто не влюблён,

скрывает, может быть, досаду –
но на войне как на войне, –
гоняя звёзд пугливых стадо
в какой-то дальней стороне.

* * *

Душа в безмолвии клонится,
роняет слово как слезу,
и я беру его как птицу,
как жертву на алтарь несу,

не зная, будет ли приятен
мой дар пресыщенным богам,
хоть без порока он и пятен
слагаем к вечности ногам.

Сфинкс

Когда сверкающий родник
вдруг обратится жаждой тёмной
как только ты к нему приник,
и этой силой вероломной

тебя жестоко пригвоздит, –
и погибаешь ты в пустыне
среди безмолвных пирамид,
сам получеловек отныне.

* * *

В моё волшебное окно
глядит бессонными очами
звезда. Друг другу мы – кино
пустыми синими ночами,

где зал и так почти пустой,
и растворяется, пустея,
и только нитью золотой:
несбывшаяся Галатей.

* * *

Во всём такое напряженье –
всё из последних сил живёт, –
что даже месяца скольженье
ерошит гладь небесных вод,
и даже мысль в своей пустыне,
чураясь сота и акрид,
в песчаной буре гибнет ныне
под вой безумных аонид.

* * *

И я смеюсь, а, может, плачу –
уже сама не знаю, что, –
и так, боюсь, помру на сдачу
в заезжем этом шапито

среди нелепой клоунады,
судьбой заезженных реприз.
...ну, что же, это тоже надо –
кому-то, охнув, падать вниз.

* * *

Что только может смерть отнять,
мне не принадлежит. Всё тщетно.
Я не хочу страдать опять.
Пусть жизнь уходит. Незаметно

я брошу взгляд в её окно –
как делается невесомо
в руках у смерти полотно.
А жизнь лишь режет по живому.

* * *

И кружится, и кружится пластинка,
из волокнистой чёрной глубины
далёкая и мутная картинка
всплывает с пеной звуковой волны,

и как шипы пронзительные звуки,
и словно розы чахлые в глуши –
о, сколько муки, сколько надо муки
ещё – измерить глубину души.

* * *

На недоступной глубине –
где ткань сознания едина,
и словно истина в вине,
и мысли там текут, как вина,

и нераздельны времена,
и недвусмысленны реченья, –
я подниму бокал вина,
достигнув пункта назначения.

Остров мёртвых Бёклина

Когда мы плыли на восток
(но лишь со стороны заката),
в волне кружился лепесток
цветка, что ты любил когда-то,

и я смотрела на него,
и взгляд мой цепенел с волнами,
и всё... И больше ничего,
как там когда-то между нами.

* * *

Забвенье. Есть такое слово.
Как олово или свинец,
навечное лишенье крова,
растождествленье, наконец.

Хотя приносит облегченье
тем, кто забвения искал.
Я не ищу. Мне вечной тенью
на сердце лёг мой идеал.

Быть может, отдыха ночного –
неосвещённого пути,
но, как всегда – зажжётся слово,
и надо, вспомнив всё, идти.

* * *

Податлива морская гладь,
и сладостно челна скольженье,
и в нём везёт Танатос-тать
к закату жертву на сожженье;

и вечно в назиданье нам
на алтаре огня сиянье,
и сердца вздох, как фимиам,
его потешит обонянье.

* * *

Опять трясёт и штормит.
У меня морская болезнь.
А море – вся моя жизнь,
любовь моя, бездна бездн:

то крен, то иная хрень,
то в трюмах воды всклень,
и соль разъедает синь...
...такой вот морской вид.

* * *

Приходит время уходить в моря
и открывать за горизонтом земли,
которых нет на карте, и не зря;
и без возврата: возвращаться с тем ли,

что нет мне рая, нет и на стопу
песка по берегам морей забвенья,
и всё, что я видала здесь в гробу,
уже не вызывает удивленья.

Что за бортом бегущая вода
не может утолить последней жажды,
что было так, конечно же, всегда,
но понимаешь это лишь однажды.

* * *

Нам корабли привозят рифмы
из пламенеющей дали,
где их подстерегают рифы
у берегов чужой земли,

где зыблются у самой кромки
других погибших кораблей
воспоминания-обломки.
Тем драгоценней и милей

мне залучённая украдкой
неведомых морей звезда,
что сумрак этой жизни краткой
вдруг озарила навсегда.

* * *

Луна с звездой танцуют танго
самозабвенно до зари,
среди светил иного ранга
кружа, и смотрят фонари,

ревнивой яростью пылая,
на эту медленную страсть,
на то, как им судьбина злая
в объятья не даёт упасть.

* * *

Когда я устала, и мне всё равно,
что нет никакого спасенья,
ничто не избавит: ни хлеб, ни вино,
ни земле- и моретрясенье,
ни мёртвых молчанье, ни вопли живых,
ни веянье крыльев существ остальных, —

но тут появляется слово,
и длятся мучения снова.

* * *

Всё вспоминаю, как светило
как будто падало на грудь,
и в море-океане плыло,
не ведая, куда-нибудь,

а волны мрели голубино,
лелея этот дивный цвет,
который уходил в глубины...
ушёл... вернётся или нет?..

* * *

Всё под влиянием минуты,
и если дрогнула рука,
перо отбросив почему-то,
то вот, и кончилась строка.

Что было в ней – печаль и смута,
которые живут века
классически, старо, не круто.
Поэта доля нелегка.

Звезда ему недолго светит –
чуть только ей поэт ответит,
уже темно, пропал и след,

и лишь в воображеньи свет,
а он всё верен ей, поэт,
и жизнь отдаст, и не заметит.

* * *

Смущением душа объята,
сама не зная, отчего.
Не хочет серебра и злата,
а только счастья своего;

как солнце ясное, клонится
всё дальше, за предел земли,
томится, мечется, как птица,
и плачет в заревой дали.

* * *

Я доверяю ощущениям.
Они сей час нехороши.
И я как будто на сожженье
здесь обрекаю часть души.

Она терзается, слепая,
она как бабочка в окно,
Офелия, что, утопая,
иного – знала, – не дано.

* * *

Дыханье холод пьёт, и мрак –
 пленительных очей сиянье;
 жестокий мир устроен так,
 но это – нет, не оправданье,
 и я, конечно, не отдам
 тепла дыхания земного
 и взгляда, претворённых в слово,
 ни тьме, ни бесконечным льдам.

* * *

С своей иллюзией смешною
я не расстанусь, с ней умру,
и будто песня за стеною
престанет, наконец, к утру.

И успокоится картина,
настанет в мире тишина,
и сон придёт, да всё едино
душе, навек лишённой сна.

* * *

Пойду бродить, как ветер в поле,
точней, среди угрюмых стен –
периметров сокрытой боли,
в пыли и вмятинах. Всё тлен.

Всё тлен внутри. И лишь снаружи
то зазвенит, а то блеснёт,
как будто небо сеет в лужи
НЗ озимых слов и нот.

* * *

Ушла, и потеряла нить,
любуясь мокнущим пейзажем:
вода с небес желает лить,
она как будто жаждет, скажем,

накрыть пейзаж как будто сеть,
и уровнять овраг с горою.
И я хочу, как птица, петь,
свою печаль сравнить с игрою.

* * *

Смотрю на сосны: их стволы
уходят в небо, как колонны,
сухи, шершавы и голы,
величественны, непреклонны.

А с неба темный водопад
душистой хвои, ниспадая,
к себе притягивает взгляд.
Луна плывёт в нём, молодая,

прозрачная, как эта даль,
загадочная, как порода
в которой водится печаль,
крепчающая год от года.

* * *

В полупрозрачной тишине,
как будто в неглубоком сне,
не то растает тонкий лёд,
не то наоборот.

Но сколько зим, и сколько лет —
одно молчание в ответ;
но я почувствую весну,
и крылья разверну,
в которых заиграет свет.

А может быть, и нет.

* * *

Зачем волна бежит к земле,
и льнёт, и льнёт к песку и камню,
вздыхает, сердится во мгле?
Смотрю, и думаю: куда мне!..

И где она, моя земля,
её серебряные реки,
её лилейные поля,
обещанные мне навеки?..

* * *

Опять о жидком серебре,
хотя, быть может, ртуть целебней,
чем эти мысли о добре,
поскольку зло, конечно, хлебней.

Всегда о вечном; вот беда –
ведь масло масляное снова:
здесь что случится – навсегда.
И лучше помнить это слово.

* * *

На солнце горят канны.
Перспективы туманны.
Завесу слегка приоткрыв –
да нет вообще перспектив,

говоря откровенно.
Канны горят, нетленны.
Тлен – это чем пренебречь
можно. Я буду жечь.

* * *

Я нахожу забытые предметы,
как будто время отдаёт долги,
внезапно достаёт и то, и это,
и ловит взгляд, и говорит: не лги,

не говори, что не было. Не стану,
но я скажу: а если было – зря...
Но сыплет, сыплет угли мне на рану –
горящие листы календаря.

* * *

Огонь горит, а кофе стынет,
и роза всё ещё цветёт.
Любовь придёт, и сердце вынет;
назад вернёт иль не вернёт?

И день проходит, как столетье,
и если вдруг оставит след,
то сладкой строчкою на третье;
а первое-второе – нет.

* * *

Любви различно выраженье:
отчаянье, пренебреженье,
и даже ненависть подчас:
умри, исчезни, скройся с глаз,
ох, попадись ты мне под руку! –
из-за тебя такую муку
терплю с улыбкой на устах,
что Бог простит... да просто страх!

* * *

Лежу, как рухнувший витраж,
созвездье, канувшее с неба,
не в силах одолеть вираж
от непрерывной боли слева.

Лежу безмолвно, как печать,
поставленная наудачу
на сердце, чтоб ему молчать
об этом, и беззвучно плачу.

* * *

И слёзы огненных созданий
текут, сжигая города.
От площадей, мостов и зданий
не остаётся и следа.

И только тихие закаты
оттенков нерасцветших роз,
что там погибли без возврата,
и дальние раскаты гроз...

On/off

Откуда пепел? – из Помпей;
его заносит неслучайно.
Сиди, вино простое пей,
и наслаждайся без онлайнa.

И я сижу, пишу стихи,
тем оставляя место чуду.
Они сегодня неплохи;
я их выкладывать не буду.

* * *

Вот плещется вино в бокале,
и вот огонь горит в стекле;
всё остальное мы убрали,
оставив вечность на столе

стихиям, что лежат в основе,
стихам, звучащим в тишине;
а мир, в котором нет любви,
за кадром, в беспробудном сне.

* * *

Наверно, полюблю и слёзы –
за их причину, – вот чума...
Таинственны метаморфозы
души, беспомощность ума,

и сердца горькие отказы:
не уступает, ни на пядь.
Лишь прибавляет раз от разу
к цене одну седую прядь.

* * *

Когда придёт за утешеньем
душа, измученная сном,
и станет явь опроверженьем,
и пик желанья станет дном,

и одиночеством общенье,
и даль прекрасная пуста,
то, словно парус в отдаленье,
даруй мне белизну листа.

* * *

Здесь просто передать слова,
и обесценить передачей,
так, что, отсутствуя, едва
они бы стали недостатчей.

А раньше, может, корабли –
с портретом, тоже драгоценным, –
их по морям не довели,
и адресат навеки пленным

остался в письмах. Жемчуга,
слова, портрет теперь в шкатулке
на дне. Ах, память дорога
несостоявшейся прогулки.

* * *

Странная тишина.
Словно на море штиль.
Молча бежит волна.
Пусто на много миль.

Словно на глубине
жители хладных бездн
пестуют по весне
рыбью свою песнь.

Будто бы соловьи
все простудились враз,
будто бы на крови
в храме огонь погас.

* * *

Здесь ничего тебе, душа,
обещанного нет:
и жизнь тебе нехороша,
и смерть не даст ответ

на твой не заданный вопрос,
на соль невыплаканных слёз
иной, чем неподъёмный воз
холодных синих звёзд.

* * *

Мы так подвержены земному.
Оно как дача. Дачи жаль,
и образ в памяти истому
рождает; горькую печаль,

и надо ли освободиться,
а, может, надо умереть,
как птица, голубая птица,
которая не может петь.

* * *

Свои смешные проявления
переживать так тяжело...
Вид в зеркале, стихотворенья,
слова – нелепы, как назло.
Не во-время, ненужно, глупо,
несовременно, наконец.
А что ещё потом у трупа
и вспомнить? – нечего. П-ц.

* * *

Я из последних сил шагаю
на самый верх; там только лёд...
А может, вниз качусь, не знаю...
И в чём различье, кто поймёт?

Во всех пространствах безвоздушных
слова, сверкая и звеня,
живут, и будет там нескучно
и без меня, и без меня...

* * *

Вот перестану я стихи
писать – тогда читать их буду;
и станут дни мои тихи,
а ночи растворятся чуду.

Сейчас же мучаюсь и бьюсь,
как время с вечностью, жестоко.
Ни разорвать им общих уз,
ни выплыть вместе из потока.

* * *

И под конец, как плющ кудрявый
холодный обвивает труп
того, кто опоён отравой
мучительно желанных губ,

так скроет белыми листьями,
в которых буквенная вязь,
всё, что не сказано устами,
всё, что земли и неба связь.

* * *

Мысли: твои, о тебе, вызванные тобой
путаются в голове, и происходит сбой,
и вырубает свет, и в темноте искрит
сердце моё в ответ. Феерический вид.

* * *

Звезда танцует вновь в окне,
а месяц, лопаюсь от смеха,
валяется там на спине,
и золотые искры эха

дрожат в лазоревой стране,
где невозможно опозданье,
где полубморочной мне
с судьбой назначено свиданье.

* * *

Сухая зелень, как подбитая мукой,
присыпанная розами сухими –
холодный поцелуй небес, сухой,
как губы, вожделенные другими.

Сухие, неподвижные персты,
и высохшие знаки на бумаге:
то километры; линии, кресты.
Зима: огонь в парадоксальной форме влаги.

* * *

Серо. Серо и беловато,
лишь светофоры, крася снег,
цветут, и смотрят виновато
навстречу ищущим ночлег –

всем тем, кто не найдёт покою,
ночлега, мира и тепла,
ведь там, под тучей снеговой,
даль непроглядна и темна.

* * *

В импровизированном баре
томится разное вино,
но мысль о виноградном даре
покинула уже давно;

и сердце, как в сыром подвале
бутыль, залито сугручом,
в котором проступает «vale»,
припудренное кирпичом.

* * *

Кружатся ржавые листы –
подхваченная ветром горстка, –
спирально в центре перекрёстка,
а улицы к нему пусты,

чисты, а ветер всё сильнее,
и вот уж с крыши рвёт железо,
и осень капает с пореза,
ах, осень... что поделать с ней...

* * *

Рисую серебром испод
листа пунцовой орхидеи –
пусть на листе она цветёт
теперь на уровне идеи.

Пусть на поверхности листа
мечта лежит прозрачной тенью –
внутри и боль, и красота,
отчаянье и обретенье.

* * *

Вижу я в цветке бутон,
словно позабытый сон,
словно в этом сне звезда
потерялась навсегда.
Не оставив и следа.
Не сказав ни нет, ни да.
Только бесконечный сон:
раскрывается бутон...

* * *

Пионы в вазе пахнут мёдом,
а цветом – золотой лимон.
И день кружится тихим ходом
вокруг, и навевает сон,

и в нём, как на картине старой,
на серебре сквозит стекло,
и в вазе пред влюблённой парой
цветы сияют так светло.

* * *

Из этих дней возьми любой,
и это вот и будет счастье,
что вспомнится потом порой,
когда совсем... или в ненастье,

в котором тёплый плед – уют, –
и чай, и ты лежишь в постели,
и слышишь: ангелы поют.
И понимаешь: пели. Пели.

Роза Шрёдингера

Роза Шрёдингера ни жива, ни мертва
в башне льдистых своих хрусталей,
вспоминая тот сад, где лоснится трава,
и прозрачен зефир из полей.

Как попала она в этот сумрак и тишь,
старый замок таинственных книг,
где луч солнца в окне появляется лишь
по утрам и к закату, на миг,

заставляя пылать прихотливый витраж,
продолжая за море полёт,
и где ветер ночной, вдруг впадающий в раж,
опрокинет хрусталь, разобьёт.

To be continued...

СОДЕРЖАНИЕ

«А может, роза...». Предисловие.....	3
«Блестит асфальт, забрызганный неоном...».....	7
Автопортрет в интерьере.....	8
«В каком-то дальнем полумраке...».....	9
«В молчании плывут светила...».....	10
«Ты – вдохновение и мука...».....	11
«Как солнце плещется в волне...».....	12
«Всей грустной музыки грустней...».....	13
«Бесконечное эхо твоей красоты...».....	14
«Оранжево искрит в молчанье...».....	15
«Совсем не чувствуя вины...».....	16
Колыбельная.....	17
«И небо такое – в цвет чёрного перца...».....	18
«А сердце – это место свято...».....	19
«Сегодня я проснулась ночью...».....	20
«Протягиваю руку за письмом...».....	21
«А я смешна, когда без сна...».....	22
«И, в общем, я слова не подберу...».....	23
К портрету.....	24
«Любовь точна: в одну воронку...».....	25
«Причина к следствию глуха...».....	26
«Дорогою весенних слёз...».....	27
«И вечно собираясь в вечный Рим...».....	28
«Пока на этом адском зное...».....	29
«Есть мир, где праздник каждый день...».....	30
«- ты слышишь, золотая птица...».....	31
«...уже бы скорее, и вправду, зима...».....	32
«Огонь души уходит в тело...».....	33
«А я люблю твои запястья...».....	34
«Кругами ходит равнодушно...».....	35
«Сияют звёзды в небесах...».....	36
Корабль.....	37
«Всегда слегка потусторонне...».....	39

«Нанизаны на шпильки облака...».....	40
«Всё знать нельзя, но сердцу больно...».....	41
«Прозрачное пламя тягучим стеклом...».....	42
«Это просто зима человеческих чувств...».....	43
«Покупаю игрушки...».....	44
«Для тех, кто вышел из неизвестности...».....	45
«Когда не подпускают ближе...».....	46
«И ты, как чёрная скала...».....	47
«Как будто голубой огонь...».....	48
«И почему мы умираем...».....	49
«Кому-то смешно, а кому-то – мученье...».....	50
«Темно и снежно. И провально...».....	51
Меланхоличная прогулка.....	52
«Принимая ванну...».....	53
«Вот да: натянутой струной...».....	54
«Под Старый новый год...».....	55
«Я вижу сквозь твои черты...».....	56
От порога и до корабля...».....	57
«Когда с музыкою мы двое...».....	58
«Эти пальцы созданы для клавиш...».....	59
«И для тебя я стала птицей...».....	60
«Твой взгляд, как ландыш близорукий...».....	61
«Да будь что будет, я решила...».....	62
«И всё, что было в фильмах чёрно-белых...».....	63
«А я пишу в тетрадь украдкой...».....	64
«Я Эвридика от рожденья...».....	65
«На кончике и корне языка...».....	66
«Золотое вино, лунное...».....	67
Воспоминание.....	68
«Проблема в том, как душу сохранить...».....	69
«О, сердце бедное! Устало...».....	70
«Обрывки путешествий и полётов...».....	71
«Пока дойдёшь до сердцевины...».....	72
«Вино любовников в разлуке...».....	73
«Как если мысль и чувство – два...».....	74

«Там жить нельзя, где нет тебя...».....	75
«Мне теперь не понять...».....	76
«И тайных мыслей адресат...».....	77
«Я парусник, и ветер вольный...».....	78
«Ловлю счастливые минуты...».....	79
«Русалки сеют жемчуга...».....	80
«Там золотой паук висит...».....	81
«И начал доверять роялю...».....	82
«Реальность, данная нам в ощущениях...».....	83
«И лунной ночью сидя с лютней...».....	84
«...повсюду появились ёлки...».....	85
«Во мраке ртутно проскользив...».....	86
«Как будто рассыпают соль...».....	87
«Стихи чем лучше – тем страшнее...».....	88
«Невыразимо, абсолютно...».....	89
«Чужие города, чужая речь...».....	90
«Меня всё мучает сирень...».....	91
«И облака плывут, и воды...».....	92
Старая баржа.....	93
«Неизъяснимая печаль...».....	94
Ноктюрн.....	95
«Уж август. Звёзды моросят...».....	96
«Небесная механика точна...».....	97
Сотворение мира.....	98
«Конфигурация и шлюз...».....	102
«Нарисовать сухую-розу...».....	103
«Бывают утренние тени...».....	104
«Невероятная луна...».....	105
«До тебя – как до луны...».....	106
К портретам.....	107
«И все мы втайне неизбежно...».....	108
«Нарциссы, слёзы и адонис...».....	109
«Нашла цветы в своём блокноте...».....	110
«Кинжалом будто по стеклу...».....	111
«Это фаза естественной убыли...».....	112

«...и наступает та минута...».....	113
«Ты болишь и болишь, и царапашь душу...».....	114
«Сияла, искрилась, и резала глаз...».....	115
«И так темно и одиноко...».....	116
«Не сетуя на завистность роли...».....	117
«Чума, холера – всё едино...».....	118
«Роняют маки лепестки...».....	119
«Цвет марта красный почему-то...».....	120
«Флуоресцентным розовым, но нежным...».....	121
«...что день грядущий принесёт?..».....	122
«Слова живут, как часть пейзажа...».....	123
«И синий виноград во льду...».....	124
«Никто, нигде и никогда...».....	125
«Мой виноград лежит под снегом...».....	126
«И, смахивая серебро...».....	127
«Когда невидимые струны...».....	128
«А звёзды молча смотрят вслед...».....	129
«Куда уходим, что берём...».....	130
«И вот, как лента разовьётся...».....	131
«Мои стихи несовременны...».....	132
«Блуждаем в лабиринте, в темноте...».....	133
«Всегда сомненье, как орёл...».....	134
«Нам Бог послал сентябрьских тихих дней...».....	135
«Луна в тумане. Полусфера...».....	136
«Душа в безмолвии клонится...».....	137
Сфинкс.....	138
«В моё волшебное окно...».....	139
«Во всём такое напряженье...».....	140
«И я смеюсь, а, может, плачу...».....	141
«Что только может смерть отнять...».....	142
«И кружится, и кружится пластинка...».....	143
«На недоступной глубине...».....	144
Остров мёртвых Бёклина.....	145
«Забвенье. Есть такое слово...».....	146
«Податлива морская гладь...».....	147

«Опять трясёт и штормит...».....	148
«Приходит время уходить в моря...».....	149
«Нам корабли привозят рифмы...».....	150
«Луна с звездой танцуют танго...».....	151
«Когда я устала, и мне всё равно...».....	152
«Всё вспоминаю, как светило...».....	153
«Всё под влиянием минуты...».....	154
«Смущением душа объята...».....	155
«Я доверяю ощущениям...».....	156
«Дыханье холод пьёт, и мрак...».....	157
«С своей иллюзией смешною...».....	158
«Пойду бродить, как ветер в поле...».....	159
«Ушла, и потеряла нить...».....	160
«Смотрю на сосны: их стволы...».....	161
«В полупрозрачной тишине...».....	162
«Зачем волна бежит к земле...».....	163
«Опять о жидком серебре...».....	164
«На солнце горят канны...».....	165
«Я нахожу забытые предметы...».....	166
«Огонь горит, а кофе стынет...».....	167
«Любви различно выраженье...».....	168
«Лежу, как рухнувший витраж...».....	169
«И слёзы огненных созданий...».....	170
On/off.....	171
«Вот плещется вино в бокале...».....	172
«Наверно, полюблю и слёзы...».....	173
«Когда придёт за утешеньем...».....	174
«Здесь просто передать слова...».....	175
«Странная тишина...».....	176
«Здесь ничего тебе, душа...».....	177
«Мы так подвержены земному...».....	178
«Свои смешные проявления...».....	179
«Я из последних сил шагаю...».....	180
«Вот перестану я стихи...».....	181

«И под конец, как плющ кудрявый...».....	182
«Мысли: твои, о тебе, вызванные тобой...».....	183
«Звезда танцует вновь в окне...».....	184
«Сухая зелень, как подбитая мукой...».....	185
«Серо. Серо и беловато...».....	186
«В импровизированном баре...».....	187
«Кружатся ржавые листья...».....	188
«Рисую серебром испод...».....	189
«Вижу я в цветке бутон...».....	190
«Пионы в вазе пахнут мёдом...».....	191
«Из этих дней возьми любой...».....	192
Роза Шрёдингера.....	193

ОТО г.о. Тольятти “ТПО”, 2021

КАРЕВА ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА
РОЗА ШРЁДИНГЕРА

Художник Е. КАРЕВА
ФОТОГРАФИЯ М. ШЛЯПИНА

ISBN 978-5-6046189-3-6

МАКЕТ, ВЕРСТКА В. МИСЮК

Отпечатано в Филиале
”Ульяновский Дом печати”
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14
Заказ №

Подписано в печать 30.11.2021

Формат 60x84 / 16.

Бумага типографская.

Печать офсетная. Объем печ. л. – 12,5

Тираж 100 экз.